

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К26

Серия «Алиенист»

Caleb Carr

THE ITALIAN SECRETARY

Перевод с английского *Т. Боровиковой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC
и Andrew Nurnberg.

Карр, Калекб.

К26 Итальянский секретарь : [роман] / Калекб Карр ; [пер. с англ. Т. Боровиковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Алиенист).

ISBN 978-5-17-116190-3

Тихий уют гостиной на Бейкер-стрит, 2216 вновь нарушен: Шерлок Холмс получает шифрованное послание от брата Майкрофта. Королева в опасности! При загадочных обстоятельствах погибли уже двое из ее близкого окружения...

Величайший из сыщиков и его друг и помощник доктор Ватсон немедленно выезжают в шотландский замок Холируд, камни которого некогда уже обогрели кровь жертвы убийства. Три столетия назад по приказу супруга королевы Марии Стюарт здесь был заколот ее придворный секретарь и музыкант Давид Риццо.

«Дела давно минувших дней»? А может, между этими преступлениями существует некая связь? Как бы то ни было, Шерлок Холмс, используя свой дедуктивный метод, намерен во всем разобраться и найти жестокого убийцу.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Caleb Carr, 2005
© Jon Lellenberg, 2005

ISBN 978-5-17-116190-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Посвящается Хилари Хейл,
лучшему другу, прекраснейшему редактору,
без которой я бы никогда не увидел
Холируд-Хаус, и Сьюки, «т.к.д.п.»*

Для удобства современного читателя архаичное правописание некоторых слов д-ра Джона Г. Ватсона было модернизировано.

Глава 1

О ЖЕЛЕЗНОМ ЯЩИЧКЕ В БАНКЕ КОКСА

Средь изобилия опубликованных рассказов о приключениях, что довелось мне пережить в обществе Шерлока Холмса, лишь немногие посвящены описанию разнообразных дел, какие за честь почел бы совершить любой верноподданный гражданин этой державы. Я говорю о тех случаях, когда к действию нас побуждало какое-либо правительственное учреждение или же государственное лицо, но истинным клиентом выступала некая Высокопоставленная Особа, чье имя стало обозначением всей эпохи; сама она, или ее сын, именем которого тоже назвали исторический период, непохожий, но столь же интересный. Проще сказать, речь идет о Британской Короне; и теперь читатель, разумеется, поймет, почему большая часть моих записей о подобных делах покоится в железном ящичке, давным-давно вверенном банку Кокса на Чаринг-Кросс, — и, возможно, никогда больше не увидит света.

Среди этой обширной, однако же скрытой от посторонних глаз части моей коллекции одно при-

ключение, несомненно, коснулось наиболее деликатных тайн; его я много лет называл попросту «делом итальянского секретаря». Всякий раз, когда мы с Холмсом объединяли силы, дабы разрешить его очередную «небезынтересную задачу», можно было биться об заклад, что от исхода дела будут зависеть чьи-то жизни, и несколько раз нашими усилиями решалось, останется ли у власти та или иная правящая партия; а порою на карту была поставлена и безопасность всей страны. Но никогда честь британской монархии (не говоря уж о душевном спокойствии самой королевы) не была в такой опасности, не зависела так от успеха нашего расследования, как в том случае. У меня есть веские доводы в обоснование столь громкой фразы; я смею лишь надеяться, что читателю они покажутся достоверными. Даже я счел бы их лишь плодом воспаленного воображения, чередой снов, подмешанных в явь, если бы Шерлок Холмс не нашел объяснения почти всем неожиданным поворотам и развязкам этого дела. *Почти* всем...

И вот, из-за нескольких необъясненных подробностей, дело итальянского секретаря навсегда осталось для меня источником скорее неутихающих сомнений, нежели (что чаще бывало результатом моих совместных с Холмсом изысканий) ободряющей уверенности. Как бы ни были сильны эти сомнения, они остались невысказанными. Ибо у души есть свои темные закоулки, куда вход заказан даже самым близким людям; если, конечно, владелец души не желает против воли очутиться в Бедламе...

Глава 2

СТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ И ЕЩЕ БОЛЕЕ СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Кризис разразился в сентябрьские дни, необычно холодные и прозрачные, в тот год, когда, глядя на состояние дел в империи и цветущее здоровье нашей королевы, невозможно было представить, что одно или другое может ухудшиться; однако теперь я знаю, как близко было расстройство и того, и другого! Быть может, сама природа преступления, расследовать которое вызвали нас в эти дни бабьего лета, предвещала затмение обоих солнц? И, быть может, интерес королевы к этому расследованию проистекал из предчувствия, что вскоре ей придется отойти в вечность, а также из желания знать, что ожидает ее, когда с плеч наконец спадет бремя долгого и по большей части одинокого царствования и она будет допущена туда, где давно уже ожидает ее любимый консорт? Не могу сказать; и не могу открыть больше, нежели знал в момент начала расследования, поскольку всем сердцем желаю, чтобы на частную историю королевской семьи не пало ни тени сплетни или раздора. (В конце концов, банк Кокса — не более чем банк, хоть его служащие и пользуются надежной репутацией; и если хранимое в нем когда-либо попадет в руки предателей или просто воров, кто знает, для какой цели могут быть обращены эти секретные сведения?)

Что же касается самого дела, началось оно так же, как обычно начинались для меня новые дела

тогда, в последний период моего сотрудничества с Холмсом: я открыл парадную дверь нашего жилища на Бейкер-стрит, и уши мои сразу сообщили мне — «игра началась» (Холмс часто употреблял это выражение, но в переносном смысле): весь дом сотрясали возбужденные шаги, доносившиеся из гостиной верхнего этажа. Отрывистый, нарочитый топот время от времени прерывали другие звуки, издаваемые скрипкой, но не заслуживающие названия музыки; натянутый смычок неритмично терзал струны, производя шум, больше всего похожий на хриплые вопли голодной кошки. Войдя в дом, я решился немедленно воззвать к миссис Хадсон и узнать, какое сообщение — письмо, записка или что иное — вызвало у моего друга такие недвусмысленные признаки умственной активности и сосредоточения.

Нашу квартирную хозяйку я вскоре обнаружил, едва не врезавшись в нее на ходу. Миссис Хадсон стояла у двери собственной гостиной и сверлила взглядом дверь третьего этажа, откуда слышалась какофония; на лице хозяйки читалась не столько тревога, сколько раздражение, и, может быть, отчасти обида; хоть меня совершенно не удивило, что источником ее раздражения был Холмс (даже наоборот), я немало растерялся, когда добрая женщина объявила, что не собирается сегодня подавать чай, — а я с нетерпением предвкушал эту возможность подкрепить свои силы, пока шел домой после съезда медиков, на котором провел целый день.

— Простите, доктор, но я его предупреждала! — сдержанно, но от этого не менее решительно заявила

миссис Хадсон. — Ясно предупреждала, что если он будет продолжать в том же духе, то я ни словом с ним не перемолвлюсь до вечера, а может быть, и еще несколько дней, — и тем более не буду ему готовить!

— Разумеется, дорогая моя миссис Хадсон, — ответил я, взывая к тайной симпатии, соединяющей нас, двух страдальцев, кому больше всего в целом свете доставалось от переменчивого нрава Холмса, порою жестокого и неизменно язвительного. — Если Холмс действительно в плохом настроении, я не буду просить вас провести в его обществе ни минутой долее; но прошу вас, расскажите мне, что же он совершил, чтобы вас так расстроить?

Ей хотелось поведать мне все, но гордость возобладала, и миссис Хадсон ответила кратко:

— Что смешно одним, доктор Ватсон, совершенно не забавляет других. Довольно; несомненно, все остальное он вам изложит сам.

Скрестив руки на груди, миссис Хадсон возвела возмущенный взор горé, показывая, что я должен подняться на верхний этаж. Я знал, что лучше послушаться, ибо миссис Хадсон по временам проявляла подлинную нестигаемость — мы с Холмсом иногда сожалели об этом, но гораздо чаще у нас бывали причины этому радоваться.

Быстро поднимаясь в гостиную, я мысленно рисовал картину хаоса, царящего внутри, — ибо чаще всего источником возмущения для нашей хозяйки служили неправильный образ жизни Холмса и приступы того, что честнее всего было бы назвать неряшливостью, нападавшие на него временами. Однако, войдя в комнату, я был немало удивлен

порядком и спокойствием, а также видом моего друга, чья фигура, худая, но бодрая и вполне пристойно одетая, вышагивала туда-сюда перед окнами, смотрящими на Бейкер-стрит. Подбородком Холмс прижимал скрипку, но, похоже, сам не сознавал, что с нею делает.

— Миссис Хадсон, я, честное слово, не знаю, что еще могу сделать, кроме как принести вам свои глубочайшие извинения! — крикнул Холмс в дверь, когда я открыл ее. Быстро кивнув мне с краткой улыбкой, которая означала, что Холмс действительно сыграл с хозяйкой какую-то мучительную шутку, он продолжал в том же духе: — Если вы укажете мне, каким еще образом я могу загладить свою вину, я буду счастлив повиноваться — в разумных пределах!

— Доктор Ватсон, будьте добры, передайте мистеру Холмсу, что он может поступать как ему заблагорассудится! — слабо, но решительно донеслось снизу. — И что, тем не менее, сегодня я не собираюсь его обслуживать — а я знаю, что он извиняется только для того, чтобы получить чай!

Холмс взглянул на меня, пожал плечами и кивнул острым подбородком на дверь, показывая, чтобы я ее закрыл.

— Боюсь, Ватсон, нам придется полагаться на собственные силы в отношении чая, — сказал он, как только дверь закрылась. Отложив скрипку и смычок, Холмс на секунду исчез в соседней комнате и вернулся, неся большую колбу на подставке, а также спиртовку. — То же и в отношении табака — у вас есть табак? Я выкурил все, что у меня

было, пока обдумывал вот эту экстраординарную депешу... — Он поставил колбу и спиртовку на стол, взял с того же стола телеграфный бланк и помахал им, другой рукой зажигая спичку. — ...которая пришла меньше двух часов назад. А наша хозяйка, как вы уже слышали, наотрез отказывается даже в такой малости, как сбегать в лавочку...

Я забрал у Холмса бумагу и спросил:

— Но скажите, Холмс, в самом деле, чем же вы так расстроили бедную женщину? Мне редко приходилось видеть ее в таком гневе.

— Минуту, — ответил Холмс, наполняя колбу водой из стоящего рядом кувшина. — Пока что обратите все ваше внимание на телеграмму.

Фитилек спиртовки наконец запылал под донышком колбы, и Холмс огляделся.

— Я некогда припрятал пачку галет, — бормотал он, неся чайницу красного дерева и две довольно сомнительного вида чашки с блюдцами, — как раз на подобный случай. Но боюсь гадать, где могут быть эти галеты и в каком они состоянии...

В этот миг, слушая возбужденные восклицания Холмса и видя, как он бегаёт по комнатам, разыскивая явно экзотические для него приборы, именуемые ложками, нельзя было не задуматься: быть может, приготовить чай ему труднее, нежели разгадывать научные загадки и расследовать преступления; но я не глядел на Холмса, настолько интригующим было послание, которое я держал в руке. Когда Холмс рявкнул:

— Табаку, Ватсон! — я вытащил из кармана кисет, но тут же опустил в ближайшее кресло, уже

совершенно не внемля беспрестанным замечаниям моего друга.

Телеграмма была отправлена из почтового отделения на Абердинском вокзале и составлена была таким образом, что и телеграфист-шотландец, который отправлял ее, и его коллега в Лондоне, который ее принимал, по всей вероятности, решили, что в ней говорится о повседневных мелочах или просто содержится набор ничего не значащих фактов.

ХЮ СТОНЕТ, ДОКТОР ПРОПИСАЛ ОСОБЫЙ,
800 ГРАН ОПИЯ ВЕЧ. «СОЛНЦЕ СЛИШКОМ ПА-
ЛИТ, В НЕБЕ ПАРЯТ ТЕ ЖЕ ОРЛЫ» — СМ. МАККЕЙ
И СИНКЛЕР, СОВМЕСТНЫЙ ТРУД. М-РУ УЭБЛИ
БЫТЬ ПОД РУКОЙ; ПО ЛАДОНИ ЗАЧИТАНА СУДЬ-
БА. КАЛЕДОНИЮ ЗАКАЗАНО ДВА СПАЛЬНЫХ.
МАЙ КРОФТЕРАМ ТЯЖЕЛ, БЫТЬ ИМ КАРАНТИНЕ.

Я не мог похвалиться, что полностью разгадал послание, тем более что Холмс бегал по комнате в поисках пресловутых галет и все сильнее отвлекал меня; но одна догадка показалась мне правдоподобной, и я рискнул ее высказать.

— Ваш брат? — был мой первый вопрос.

— Bravo, Ватсон! — весело отозвался Холмс. — Майкрофт, конечно, довольно неуклюже замаскировал свое имя, но его можно извинить — только в Шотландии на слово «крофтер»* никто не обра-

* Крофтер — мелкий фермер в Шотландии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

тит внимания, и только в телеграмме, отправленной из Шотландии, это упоминание не привлечет любопытного взгляда... или наостренных ушей.

— Ушей? — в замешательстве переспросил я.

— Да, Ватсон, — вы, конечно, помните, что британские телеграфные линии уязвимы для электрического подслушивания. По крайней мере должны помнить, после той неприятной истории с нашим другом Милвертоном; он пользовался этой технологией, в числе прочих, для сбора информации о тех, кого собирался шантажировать; правда, мы выяснили это лишь после публикации вашего отчета о том деле. — Холмс вынул трубку изо рта и скопил на нее глаза. — Меня не удивит, если такой важный момент вылетел у вас из головы: ваш табак — для неженков, в нем почти что нет никотина. Однако, — он опять сунул черенок трубки меж зубами, — придется обойтись тем, что есть, раз миссис Хадсон сегодня дуется. Ага! У нас вода закипела!

И действительно — вода кипела и бурлила в округлой нижней части колбы и в длинном горлышке, откуда валил пар, отдающий легким зловонием химических реактивов.

— Не беспокойтесь, — сказал Холмс, открывая один из отсеков чайницы, — в моей смеси присутствует цейлонский чай, он успешно изгонит следы моих недавних опытов.

Чай был заварен в старом, выдавшем виды чайнике, а тот обмотан вязаным шарфом, чтобы сохранить тепло, Холмс же, в ожидании, пока чай настоится, продолжал допрашивать меня о телеграмме: